

**ОБОСНОВАНИЕ МОРАЛЬНОГО ДОЛГА НА ОСНОВЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ЭГОИЗМА: PRO ET CONTRA[1]**

АНДРЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ПРОКОФЬЕВ

Институт философии Российской Академии наук,

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

avprok2006@mail.ru

**THE JUSTIFICATION OF MORAL DUTY ON THE BASIS OF THE STRATEGIC
EGOISM: PRO ET CONTRA[1]**

ANDREY VYACHESLAVOVICH PROKOFYEV

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract

The paper deals with the evaluation of the strategic egoism of David Gauthier as an attempt to justify moral duty. Gauthier considers his identification of rationality with „utility-maximization at the level of dispositions to choose“ the only way to make moral duty appealing to our contemporaries. Though this kind of argumentation distorts the normative content of morality and reduces moral duty to inclination.

Keywords: justification of moral duty, strategic egoism, D. Gauthier

Одной из самых давних тем философского поиска является обоснование обязательности исполнения моральных требований, то есть обоснование морального долга. Предполагаемое моралью самопринуждение (ограничение спонтанных желаний или даже глубоко укорененных установок) вполне естественно порождает вопрос о том, существуют ли для такого принуждения достаточные основания. Преодолевая себя при исполнении конкретного морального требования и испытывая при этом негативные переживания, агент вполне может задать и часто в действительности задает себе вопросы: „А стоит ли это делать?“, „А так ли это важно?“, „А действительно ли я обязан?“. Тем самым какое-то моральное требование начинает рассматриваться им уже не как объективный императив, а как простое ожидание со стороны других людей,

Этически изследвания (ISSN 2534-8434), бр. 6, кн. 2/2021

которое вполне может иметь сугубо субъективный характер („они считают, что это долг каждого человека и мой в частности, но на самом деле...“).

В своем пределе это движение мысли способно породить сомнение в объективном характере и индивидуальной значимости всей совокупности моральных ценностей и требований. Такое сомнение концентрированно выражено в вопросе, который последние полтора века является важнейшим для англоязычной моральной философии – „Почему мне следует быть моральным?“ В отличие от ситуации с отдельной обязанностью, возвращение объективности и индивидуальной значимости всей совокупности моральных ценностей и требований нуждается в доводах, выходящих на уровень предельных философских обобщений. Один из возможных способов самоопределения по отношению к этой проблематике – позиция морального скептицизма, другой – попытка создания какого-то варианта обоснования морального долга. В последнем случае философ предлагает аргументы в пользу значимости моральных разграничений для любого человека, который поддается действию рациональной аргументации (то есть для любого разумного агента).

Обобщенно такая аргументация имеет следующий вид: «если ты принимаешь X, то ты не можешь не принять обязательность морального поведения, а также формирования мотивов и черт характера, отражающих моральный идеал». Точка опоры обоснования (X) должна представлять собой что-то свойственное каждому человеку и, в отличие от моральных обязанностей, не создающее тех конфликтов, которые делают непростым или даже трагическим моральный выбор. Для того, чтобы обоснование состоялось, моральный скептик должен признать, что сохранение какой-то своей характеристики он считает безусловно необходимым. Эта характеристика может быть общеразделяемой потребностью, общеразделяемой способностью или способностью, сохранение которой является потребностью. А далее моральный философ демонстрирует скептику, что эта характеристика будет потеряна в случае неисполнения морального долга (Прокофьев, 2017).

Среди концепций обоснования можно выделить те, которые с помощью разумных доводов связывают моральное, то есть честное и гуманное, поведение с тем или иным пониманием *собственного блага агента*, и те, в рамках которых моральный долг оказывается *прямой манифестацией разумности* человека. Первая часть подразделяется

концепции, рассматривающие в качестве блага агента достижение им *счастья* (эвдемонизм) и *удовлетворение им отдельных предпочтений* (эгоизм). Эвдемонистические концепции рассматривают жизнь человека как целостный проект, который не может быть успешным без моральных самоограничений. Никто не может стать в полном смысле слова счастливым, если он не ведет себя честно и не помогает другим людям в нужде (естественно, в пределах заданных моральным долгом) (Prokofyev, 2021). Концепции, использующие эгоистический фундамент, исходят из того, что даже вне установки на целостное самоосуществление, вне сознательного стремления быть счастливым разумный агент имеет все основания подчинить себя моральным ограничениям. Даже если он не мыслит свою жизнь как единый проект, а всего лишь стремится реализовывать череду сменяющих друг друга желаний и предпочтений, он заинтересован в том, чтобы выстраивать свои отношения с другими людьми на основе принципов честности и благожелательности и не стремиться получить сиюминутную выгоду от их нарушения. За этим типом рассуждения стоит довольно длинная философская традиция, ключевыми фигурами которой являются Томас Гоббс и Дэвид Юм. Среди современных выразителей центральное место занимает американский этик и политический философ Дэвид Готиер. Для той части этики Готиера, которая представляет собой именно обоснование морального долга используется обозначение „стратегический эгоизм“.

Стратегический эгоизм Дэвида Готиера

Готиер рассматривает свой вариант обоснования морального долга в качестве единственно возможного в современную эпоху. Он утверждает, что, когда вопрос „Почему мне следует быть моральным?“ задает наш современник, то это не просто индивидуальный бунт против воспринимающихся как оковы моральных ограничений, как это было в предшествующие периоды истории, а выражение полномасштабного кризиса практических оснований, кризиса самой морали. Моральный язык и преобладавшие ранее способы самоосмысления моральных агентов привязаны к предположению о самостоятельном существовании объективных ценностей и требований, а, значит, „соответствуют такому мировоззрению, которое мы давно отвергли – представлению о мире как чем-то целесообразно упорядоченном“ (Gauthier,

1991: 16). Если мы хотим преодолеть этот кризис, то нам следует искать обоснование, отталкивающееся от той реальности, которую мы действительно признаем. В практической сфере это будет реальность предпочтений и интересов, причем эти предпочтения и интересы совсем не обязательно соединены в некое структурированное, иерархизированное, эвдемонистически ориентированное целое. Именно такую реальность более или менее корректно описывает теория рационального выбора, поэтому система морального долга, которую мог бы принять современный человек, должна опираться именно на эту теорию. Она должна исходить из потребности индивидов, погруженных в социально-коммуникативную среду, разрешать конфликты между своими предпочтениями и эффективно воплощать на практике возникшее на этой основе упорядоченное целеполагание.

Готиер скорректировал стандартное представление о рациональном выборе в том, что именно является его предметом. Это, по мнению Готиера, не столько отдельные действия, сколько предрасположенности к выбору действий определенного типа. Максимально возможное продвижение эгоистического интереса агента имеет место тогда, когда он принимает такую практическую установку и обретает такую устойчивую мотивацию, которые создают наибольшие возможности для удовлетворения его предпочтений. Чтобы понять, является ли предрасположенность рациональной, необходимо проанализировать ее последствия для всех возможных случаев ее реализации и сравнить их с последствиями других предрасположенностей. Рациональной будет та, которая позволит получить наилучшие в прагматическом отношении результаты в подавляющем большинстве случаев. Что же касается меньшинства случаев, в котором результаты будут не столь хороши, то в них рациональный эгоистический агент уже не сможет прямолинейно ориентироваться на те свойства конкретной ситуации, которые позволяют ему получить максимальную выгоду. Ведь, отбросив рациональную предрасположенность хотя бы один раз, он лишится расширенного горизонта возможностей. А это значительно хуже, чем понести потери одномоментно. Именно так эгоистический агент оказывается способен к самоограничению на основе моральных запретов и предписаний (Gauthier, 1986: 181–182).

Возникает, правда, вопрос о том, почему исполнение морального долга в большинстве случаев обеспечивает более высокий уровень удовлетворения предпочтений, хотя эти предпочтения не включают в себя ничего специфически морального – они связаны с получением тех предметов или такого опыта, которые вызывают у нас удовольствие. Дело в том, что, удовлетворяя свои предпочтения, мы постоянно вступаем во взаимодействия с другими людьми. Мы хотим получать от них те или иные блага или хотя бы не наталкиваться на агрессию и мошенничество с их стороны. В этом кооперативно-коммуникативном процессе мы зависим от доверия другим людям. Поэтому в сообществе людей, которые готовы к принципиальному самоограничению ради другого человека, удовлетворение предпочтений каждого оказывается более полным.

Естественно, что агент, сформировавший у себя предрасположенность к совершению честных и гуманных поступков, оказывается уязвим для эксплуатации со стороны никак не сдерживающих себя индивидов. Однако Готьер уверен, что существование эксплуататоров не подрывает разумность выбора в пользу выполнения морального долга, поскольку способные к самоограничениям люди предпочитают взаимодействовать с себе подобными и создают своего рода сети взаимного сотрудничества, принадлежать к которым выгодно. Хотя „чужая душа потемки“ и мы и не способны читать мысли друг друга, у нас достаточно критериев и информации для выявления тех, кто постоянно и искренне следует моральным требованиям, и тех, кто лишь имитирует уважение к ним (в терминах Готьера, каждый из нас „полупрозрачен“ для окружающих) (Gauthier, 1986: 122). Этой „полупрозрачности“ вполне хватает для того, чтобы мошенники достаточно часто терпели неудачу, а самоограничение рассматривалось эгоистическим деятелем в качестве самой разумной установки. Именно это обстоятельство выпадает из поля зрения человека, который начинает задавать вопрос „Почему мне следует быть моральным?“ Моральный скептик не понимает того, что выбор, стоящий перед ним, касается не самих поступков, а предрасположенностей к их совершению, и что люди, обладающие предрасположенностью к честности и гуманности, обладают способностью к выявлению „своих“.

Оценка стратегического эгоизма

Как оценивать концепции обоснования морального долга? Если оставить в стороне вопрос об их внутренней непротиворечивости, то их можно соотносить между собой по четырем основным параметрам. По каждому из параметров концепции могут выигрывать друг у друга или проигрывать друг другу. Соответственно, для оценки стратегического эгоизма необходимо ответить на четыре вопроса.

1. Имеет ли он потенциал в плане захвата воли агента?
2. Не искажает ли он нормативную программу морали (содержание морального долга)?
3. Способен ли он обойти дилемму Причарда?
4. Не является ли он таким способом обоснования долга, который психологически несовместим со специфической моральной мотивацией?

Что касается первого вопроса, то аргументация стратегического эгоизма обращена к тому мотиву, который имеется у каждого человека и является мощным фактором, определяющим человеческое поведение. Стремление удовлетворить наличные предпочтения – это всеобщее стремление, оно не зависит от индивидуальных особенностей и особенностей различных культур и социальных сред, не зависит от наличия или отсутствия у индивида рефлексивного отношения к собственной жизни, не зависит от признания индивидом какой бы то ни было трансцендентной реальности и т.д. и т.п. От аргументов стратегического эгоизма, если они действительно убедительны *per se*, мог бы уклониться только тот человек, который был бы безразличен к возможностям удовлетворять собственные желания.

В отношении второго вопроса имеется существенная двойственность. С одной стороны, Готиер обосновывает необходимость совершения позитивных в моральном отношении действий. О его концепции нельзя сказать, что ту роль, которую играет в жизни человека исполнение морального долга, могло бы с успехом играть что-то иное. Этот упрек был бы справедлив, скорее, в отношении эвдемонистической моральной философии, поскольку условием счастья может быть не только моральность, но и эстетическая или познавательная самореализация, воспринимаемая агентом в качестве долга. Но, с другой стороны, набор самоограничений, обсуждаемый Готиером, не тождественен набору обязанностей, которые входят в общераспространенное

представление о моральном долге. В число лиц, благополучие которых ограничивает агента, у Готиера входят не все, а лишь те, кто участвуют в каком-то совместном кооперативном проекте, во взаимовыгодном предприятии. То, что Готиер имеет в виду не только совместные проекты, но выгодные для всех участников практики и институты, несколько расширяет этот круг. Но и в этом случае в него не входят люди, еще не вступившие в кооперацию, люди, неспособные к внесению вклада в общее дело, и в особенности – эгоисты, которые не ограничивают себя моральными требованиями, но оказались в бедственном положении. О гуманном отношении к животным речь вообще не может идти. То есть мораль сдерживающего себя эгоиста очевидным образом не универсальна в том, что касается круга моральных реципиентов. Да и сами требования также оказываются существенным образом минимизированы. Готиер считает это необходимой и вполне оправданной жертвой в ходе «вписывания» морального долга в такое его обоснование, которое могло бы убедить не просто скептика, а скептика, принадлежащего к современной культуре, для которого реальность раз и навсегда «расколдована». Однако может оказаться, что эта жертва слишком велика.

Третий вопрос, связанный с дилеммой Причарда, требует небольшого предварительного пояснения. Эта дилемма была предложена британским философом Гарольдом Артуром Причардом в качестве средства разоблачения любых концепций обоснования морального долга (Prichard, 2002). В свете исходного смысла этой дилеммы философ, пытающийся обосновать моральный долг, либо сводит его к чему неморальному (подменяет долг склонностью), либо не приводит аргументы в пользу морального долга, а всего лишь искусственным, усложненным образом провозглашает его (создает тавтологии и порочные круги) (Korsgaard, 1996: 32). Однако в современной этике возникло и другое отношение к дилемме. Было высказано предположение, что лишь некоторые концепции морали соответствуют двум сторонам дилеммы Причарда. И, значит перед нами не дилемма, а своего рода фильтр, отсеивающий негодные линии аргументации (Scanlon, 1998: 150).

Если использовать этот фильтр, то можно сделать следующие выводы. Стратегический эгоизм явно не попадает под описание второй стороны „дилеммы“. Он не тавтологичен: мы видим движение от исходной посылки (стремление каждого максимально удовлетворять свои предпочтения) через учет посылок дополнительных

(условий эффективной реализации этого стремления) к выводу (рациональным самоограничениям агента). А вот первую сторону дилеммы, подмену долга склонностью, у Готiera можно обнаружить. Стремление получить максимальную выгоду от взаимодействия с другими людьми, радикально отличается от собственно моральной мотивации. Более того, стремление к выгоде выступает как противоположность основной интенции морали и аннулирует моральную ценность совершаемых поступков. В этом смысле эвдемонизм явно превосходит стратегический эгоизм. Рассуждение „исполняю долг, поскольку без этого моя жизнь не будет полной и осмысленной, то есть счастливой“, не создает трагического разрыва. А рассуждение „исполняю долг, чтобы быть такой личностью, которой многие люди готовы помогать“, просто лишает слово „долг“ его исходного смысла.

Четвертый параметр близок по смыслу к первой стороне обсуждавшейся выше «дилеммы», но связан не столько со структурно-логической стороной моральной оценки, сколько с реалиями человеческой психики. Какое-то обоснование может не просто сводить моральный долг к чему-то иному, но и быть психологически несовместимо с его исполнением. Если мы даже признаем, что это работающее обоснование, оно должно быть забыто человеком, который исполняет долг, в момент исполнения долга. В англоязычной этике для характеристики таких обоснований используется понятие *self-effacing*. Его вполне можно применить к стратегическому эгоизму Готiera. Невозможно одновременно совершать действие из уважения к достоинству личности другого, из признания независимой ценности его потребностей и интересов, и считать при этом, что за таким уважением стоит стремление к максимизации выгоды. Сравнивая стратегический эгоизм с эвдемонизмом, как наиболее близким вариантом обоснования, мы видим, что такая потребность в забвении или стирании в его отношении является более настоятельной.

Соответственно, можно утверждать, что, по крайней мере, по двум из четырех параметров стратегический эгоизм является очень слабой концепцией обоснования морального долга. А еще по одному несколько превосходит эвдемонизм, но также далеко не идеален.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Информация о финансировании:** исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00145 А «Обоснование морали как проблема современной этики (реконструкция, сравнение и оценка теоретических подходов)». **Funding Information:** the reported study was funded by RFBR, project number 20–011–00145 (Justification of Morality as a Problem of Contemporary Ethics (the Reconstruction, Comparison and Evaluation of Theoretical Approaches)).

ЛИТЕРАТУРА

- Прокофьев, А. В.** (2017). Почему я должен быть моральным? (теоретический контекст обоснования морали) – В: *Этическая мысль*, (17), 5–17.
- Gauthier, D. P.** (1986). *Morals by Agreement*. Oxford, Clarendon Press.
- Gauthier, D. P.** (1991). Why Contractarianism? – In: *Contractarianism and Rational Choice: Essays on David Gauthier's Morals by Agreement*, ed. by P. Vallentyne. New York, Cambridge University Press, 15–30.
- Korsgaard, C. M.** (1996). *Sources of Normativity*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Prichard, H. A.** (2002). Does Moral Philosophy Rest on a Mistake? – In: Prichard, H. A. *Moral Writings*. Oxford, Oxford University Press, 7–21.
- Prokofyev, A.** (2021). Justification of Morality in Contemporary Eudemonistic Ethics. – In: *Social Sciences*, 52, 80–95.
- Scanlon, T. M.** (1998). *What We Owe to Each Other*. Cambridge, Belknap Press.